

КВИР-СЕКСУАЛЬНОСТЬ:

политики и практики

ВЫДАВЕЦТВА
ГАЛІЯФЫ

Минск
2014

ЛГБТ-СЕМЬИ

УКРАИНСКИЕ ЛГБТ-СЕМЬИ О ГЕНДЕРНЫХ И СЕМЕЙНЫХ РОЛЯХ

Тамара Марценюк
Киев, Украина

В статье исследованы особенности гендерных и семейных ролей ЛГБТ-парах, отношение последних к институтам семьи и брака. Дается характеристика патриархатным и эгалитарным аспектам гендерных ролей, важная часть которых — организация домашнего быта, представление о собственной семье.

Последние десятилетия знаменуются существенными трансформациями института семьи. Появляются и институционализируются новые формы семейных отношений¹²⁶: сожительство, однополые партнёрства и браки, полиамурные союзы и др. В постсоветских обществах, в том числе и украинском, после декриминализации гомосексуальных отношений актуальным остаётся вопрос нормализации и легитимации представителей и представительниц различных сексуальных ориентаций и гендерных идентичностей.

В 2010 году Украина поддержала документ Совета Европы «О мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности». В документе странам-членам Совета Европы рекомендуется принимать меры по улучшению законодательства и политики для обеспечения прав человека в таких сферах, как трудовые отношения, свобода объединений и мирных собраний, личная и семейная жизнь, образование, охрана здоровья, спорт и др.¹²⁷

В государственном докладе о положении семей в Украине за 2000-2009 годы отмечено, что «первым шагом к созданию новой семьи является брак. От уровня брачности населения напрямую зависит количество новых семей

¹²⁶ Maxine B.Z., Stanley E.D., Wells B. Diversity in Families. 9th Ed. Prentice Hall, 2010; Furgeson S.J. (ed.) Shifting the Center: Understanding Contemporary Families. 4th Ed. New York: McGraw-Hill, 2011.

¹²⁷ Recommendation of the Committee of Ministers to member states on measures to combat discrimination on grounds of sexual orientation or gender identity / Council of European, the Committee of Ministers; см.: <https://wcd.coe.int/wcd/ViewDoc.jsp?id=1606669&Site=CM&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383>.

в каждом году»¹²⁸. Другими словами, брак репрезентируется на официальном уровне как важный признак института семьи. При этом современная украинская семья определяется также как детоцентрическая. Предполагается, что жизнедеятельность супругов должна быть направлена в основном на рождение и воспитание детей.¹²⁹

Вместе с тем в этом же документе указывается, что «существенной особенностью развития брачно-семейных отношений на рубеже тысячелетий является плюрализация форм брака, разнообразие форм семейных объединений и брачных отношений»¹³⁰. Действительно, в западных обществах традиционный брак потерял монополию на семейные отношения. На смену приходят новые формы семейных отношений, которые мы уже обозначили выше. Однако авторки государственного доклада ограничиваются только тремя «формами брачных объединений, которые ранее были исключением, сейчас являются распространённым явлением»: незарегистрированным браком, дистанционным браком, гостевым браком. То есть в государственном докладе о положении семей в Украине не упоминается о существовании гомосексуальных и трансгендерных пар. Закрепляется по умолчанию лишь гетеросексуальный вариант семейных отношений, а однополые пары на государственном уровне остаются невидимыми. При этом, по данным исследований ЛГБТ-организаций (2009), в Украине насчитывается от 100 до 200 тысяч однополых пар.¹³¹

Этот факт не является случайным, ведь в Украине, как указано в очередном отчёте о положении ЛГБТ-сообщества, «не существует никакой формы для официального признания однополых союзов ... Они не признаются ни в виде официального брака, ни в виде гражданского брака, доступного для гетеросексуальных пар»¹³². Соответственно, ЛГБТ-пары не имеют социальных льгот и гарантий:

«(Э)то касается вопросов наследования имущества, опеки над детьми, отсутствия возможности не давать показания против близкого родственника в уголовных делах, и других обстоятельств, где учитывается партнёрство. В том числе, лесбиянки не имеют доступа к искусственному оплодотворению, так как этой возможностью могут воспользоваться только замужние женщины»¹³³.

¹²⁸ Становище сімей в Україні (за підсумками 2000–2009 років): Щорічна державна доповідь Президентові України, Верховній Раді України, Кабінету Міністрів України про становище сімей та стан реалізації державної сімейної політики / Міністерство України у справах сім'ї, молоді та спорту, Державний інститут розвитку сім'ї та молоді. Київ, 2010. С. 10.

¹²⁹ Там же, с. 23.

¹³⁰ Там же, с. 12.

¹³¹ Маймулахин А.Ю., Касянчук М.Г., Лещинский Е.Б. Однополое партнёрство в Украине: отчёт о проведённом исследовании. Донецк: Атопол, 2009. С. 25.

¹³² Українські гомосексуали і суспільство: взаємне проникнення. Огляд ситуації: суспільство, держава і політики, ЗМІ, правове становище, гей-спільнота / Центр «Наш світ». Київ: Атопол, 2007. С. 48.

¹³³ Там же.

Но возможно ли улучшать государственную политику (в частности, в сфере личной, семейной жизни) в отношении тех индивидов, которые пребывают вне внимания государства и исследовательских институтов? Кроме того, ЛГБТ-семьи остаются мало исследованными в социальных науках. Если они и исследуются, то преимущественно ЛГБТ-сообществом в рамках международных проектов.

При этом, исследуя ЛГБТ-семьи, следует учитывать тот социокультурный контекст, который сложился в обществе: нелегитимный статус ЛГБТ-семей в государстве и гомофобное отношение со стороны общества вплоть до угрозы физической расправы.¹⁵⁴ Такая ситуация осложняет существование ЛГБТ-семей, требует от них преодоления больших трудностей и препятствий. Общество и государство заставляют их всё время ориентироваться на традиционную гетеросексуальную семью как на идеал при оценке своих отношений. Соответственно, актуальным является вопрос изучения особенностей самоидентификации ЛГБТ-семей в Украине.

Цель этой статьи заключается в анализе представлений о гендерных и семейных ролях в ЛГБТ-парах в украинском обществе. Эмпирическим материалом статьи выступают проведённые авторкой (в рамках проекта НПО «Инсайт» при поддержке Представительства фонда имени Генриха Бёлля в Украине¹⁵⁵) в июле-сентябре 2011 года глубинные интервью с семью ЛГБТ-семьями из разных регионов Украины (центрального, северного, южного). Всего — 14 респонденток и респондентов.¹⁵⁶ Среди опрошенных пар — три гомосексуальные мужские пары, три гомосексуальные женские и одна транссексуальная пара. Транссексуальная пара является гетеросексуальной и состоит из гетеросексуальной женщины, вступившей в брак с транссексуалом, который осуществил переход от женского к мужскому полу. Пять пар воспитывают детей, рождённых или в предыдущем гетеросексуальном браке, или путём использования донора или услуги искусственного оплодотворения. Пары имеют опыт от 3 до 15 лет отношений и совместного проживания.

ОТНОШЕНИЕ ЛГБТ-ПАР К ИНСТИТУТАМ СЕМЬИ И БРАКА

В исследовании нас в первую очередь интересовали особенности самоидентификации ЛГБТ-семей. Другими словами, в каких понятиях они сами определяют свои длительные отношения. Это интересный вопрос в связи с тем,

¹⁵⁴ Дискримінація за ознакою кохання. Звіт про дотримання прав геїв та лесбійок в Україні. Київ: Нора-Друк, 2005.

¹⁵⁵ ЛГБТ-сім'ї в Україні: соціальні практики та законодавче регулювання / За ред. Г. Ярманової. Київ: Інсайт, 2012; см.: http://ua.boell.org/downloads/Insight_LGBT-Families-in-Ukraine.pdf.

¹⁵⁶ Каждую/каждого респондентку/респондента опрашивали отдельно от партнёры/партнёра.

что украинские ЛГБТ-пары не имеют законодательно легитимных понятий самоопределения своих отношений.

В ходе исследования установлено, что респондентки и респонденты почти единогласно определяют свои отношения как семью. Похожие результаты получила исследовательница Надежда Нартова после изучения лесбийских семей в России: «длительные стабильные отношения воспринимаются их участницами как семейные»¹³⁷. Кроме того, для значительной части участников/участниц исследования семья — это почти единственная важная форма организации общественной жизни:

«Я считаю, что семья — это самое важное в жизни каждого человека!... Он может встречаться, развлекаться, но это не всю жизнь. У человека должна быть семья. Ты должен кому-то себя отдавать. Посвящать. Семья — это очень... для меня это — всё!» (Валентина, 45 лет).

«Семья — это очень много. Это не много, это — всё, это жизнь. Это вся вот наша жизнь, это то, ради чего я живу, это вот одно-единое целое» (Юлия, 29 лет).

Для них понятие «семья» включает эмоциональную близость, любовь, крепкие дружеские отношения, «семейный очаг», доверие, ответственность.

«Семья много что значит для меня. Это и семейный очаг, и когда человек человека ждёт домой с работы. Это и любовь, и какие-то бытовые условия, и отдых, и всё вместе. И при этом это ответственность. В первую очередь для меня это ответственность» (Остап, 42 года).

Кроме того, важным признаком семьи считается проживание вместе и ведение общего хозяйства. При этом мотивация к перемещению в общее жизненное пространство может касаться как идеи дальнейшего развития отношений, так и удобства их поддержания:

«Это большое испытание для пар, я считаю, потому что когда люди живут порознь и встречаются — это одно. Когда они начинают жить вместе — это другое... У нас всё должно быть общее. Ну как принято во всех, как говорится, нормальных семьях. В большинстве» (Алина, 33 года).

«...(Я) считаю, всё-таки если пара, то нужно жить вместе, должен быть быт совместный, совместные финансы. Если семья — то семья, и жить вместе» (Полина, 30 лет).

Самоопределение себя как семьи закономерно провоцирует вопрос о легитимности отношений. Респондентки и респонденты по-разному относятся к

¹³⁷ Нартова Н. Лесбийские семьи: реальность за стеной молчания // Семейные узы. Модели сборки. Кн. 1; Сост. и ред. С. Ушакин. М.: НЛО, 2004. С. 292–315.

«штампу в паспорте» как признаку семьи: кто-то поддерживает и хотел/а бы оформить свои отношения (ведь это предполагает стабильность и определённые планы на будущее), другой/ая относится довольно скептически и не требует официального признания семьи. Но в целом многие рассматривают этот вопрос сквозь призму необходимости защиты прав ЛГБТ в государственных учреждениях:

«Вы понимаете, в чём дело. Если рассматривать, например, “натуральную” семью, мужчина и женщина, то им, по-моему, по барабану, есть штамп в паспорте или нет. Если они живут больше полугода, то они по закону уже считаются семьей гражданской... Для меня сейчас, для нашей семьи, женщина и женщина, было бы важно, чтобы был штамп в паспорте. Не потому, что вот он есть, алилуйя, я окольцована, я не свободна. Нет. А именно для того, чтобы мы были защищены законно в юридических моментах. Там, в здравоохранении. Вот у меня просто панический ужас вызывает, что вот кто-то в больнице оказывается, а меня хрен пустят, потому что я никто» (Светлана, 41 год).

У пар также спрашивали об их отношении к ещё одной форме закрепления семейных отношений — церковному браку. Большинство респонденток и респондентов не проявили интереса к этой форме, отметив, что следует быть верующими, чтобы её выбрать. При этом некоторые выражали достаточно позитивное отношение к процессу венчания или как к антиподу государственной регистрации брака, или как к важной личностной практике:

«Для меня печать в паспорте — это только печать на бумажке. А вот что касается церкви... Я не могу сказать, что я глубоко верующий человек. Наверное, моя вера в сердце. Я думаю, это важнее. Это духовное, это вот в сердце» (Валентина, 45 лет).

«Хотя мы в своё время незаконно обвенчались, просто сами для себя в церкви... Мы через год совместной жизни это сделали. [Обряд] ничего такого особенного не включал, просто подошли, он [батюшка] нас перекрестил, прочитал молитву, мы обменялись кольцами, сказали слова верности друг другу, и всё» (Остап, 42 года).

Кроме того, часть пар носят обручальные кольца, что является признаком традиционного восприятия отношений в паре как брачного союза. При этом если на официальном уровне его невозможно заключить, то это сделано на символическом и межличностном уровне.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ И НОРМАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Отсутствие возможности зарегистрировать свои отношения и негативные установки со стороны общества актуализируют вопрос о важности «символической» легитимации отношений в ЛГБТ-парах. Таким целям служат процессы идеализации и нормализации.

Анализ результатов исследования показывает, что ЛГБТ-семьи вынуждены постоянно демонстрировать свои отношения только в позитивном ракурсе. Конечно же, в процессе интервьюирования срабатывают попытки респонденток и респондентов казаться лучше. Однако они редко говорили о своих проблемах в семьях, вместо этого пытаются репрезентировать себя как идеальные семьи. Например, Валентина (45 лет) утверждает: «Я считаю, что у нас идеальная семья! без вариантов», а также: «Просто не можем жить друг без друга. Чем дольше, тем крепче, я так считаю».

Такая идеализация отношений является одним из признаков их легитимации в обществе, где они игнорируются и не принимаются. Поскольку не все ЛГБТ-семьи имеют хорошие отношения с родителями или другими членами семьи, то даже перед ними приходится показывать, что в их семье всё в порядке. В ситуации достаточно распространённого явления гомофобии в обществе очевидно, что представительницы и представители ЛГБТ-пар рассказывают о своих отношениях скорее в идеальных тонах. Ведь если возникают определённые проблемы, то «правильность» гомосексуальных отношений сразу же ставится под сомнение.

Ещё одна черта попыток легитимации ЛГБТ-семей со стороны респонденток и респондентов — это оперирование гетеронормативной лексикой, употребление традиционных категорий вроде «нормально», «правильно» и т. п. Например, Алина (33 года) высказывает мнение о правилах сожителства в большинстве «нормальных» семей: «У нас всё должно быть общее. Ну как принято во всех, как говорится, нормальных семьях. В большинстве». Эта нормализация со стороны респонденток и респондентов служит оправданием перед обществом: «Мы такие же семьи, как обычные гетеросексуальные».

ТРАДИЦИОННЫЕ И ЭГАЛИТАРНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ РОЛИ

Для рассмотрения семейных и гендерных ролей мы воспользовались устоявшейся классификацией их разделения на два «идеальных» типа: традиционные и эгалитарные.

Традиционные гендерные роли являются скорее дуальными оппозициями, в основе которых лежит функционалистский подход: каждая и каждый делает то, что ей/ему следует делать «от природы». Женщина рождает детей, соответственно, за ними ухаживает, а также и за всем домохозяйством и его членами. Мужчина выполняет скорее инструментальную роль, приобретая основной материальный доход для дома. Такой подход к объяснению распределения традиционных гендерных ролей в обществе называют полоролевым: каждому полу предназначена определённая роль, которую женщины и мужчины должны выполнять.

Эгалитарные роли основаны на одинаковом, по возможности равном распределении обязанностей. В этом случае акцент не делается на «естественности» ролей. Предполагается, что не только женщины могут выполнять обязанности по уходу за детьми и домом, но мужчины также могут участвовать во всех процессах заботы о семье.

Чтобы узнать подробнее о распределении семейных ролей в ЛГБТ-парах, у респонденток и респондентов спрашивали о том, кто занимает главенствующие позиции в семье. Следует отметить, что этот вопрос воспринимался часто достаточно критически, с уточнением и переспрашиванием. Очевидно, респондентки и респонденты считают гомосексуальные отношения, в противовес гетеросексуальным, менее авторитарными и не основанными на властных отношениях:

«Это мне всегда напоминает вопрос “Кто у вас актив, а кто у вас пассив?” Кто у нас глава в семье? — У нас нету такого» (Светлана, 41 год).

«А относительно материального обеспечения семьи, то у нас нет такой авторитарной модели, как бывает в гетеросексуальных отношениях, что, допустим, муж зарабатывает деньги, и это семейный бюджет, а то, что зарабатывает женщина, — это её личное, какие-то запасы, как-то так. Мои подруги рассказывали, что обычно так оно и есть» (Виктор, 25 лет).

Респондентки отмечают, что обязанности в семье разделены в соответствии со способностями и функциями, в противоположность традиционным представлениям о «главе семьи»:

«Мы вместе зарабатывали деньги, вместе родили детей, мы вместе принимаем решения ... Нет такого, что глава решает всё. Ты моешь посуду, например, а я буду зарабатывать деньги» (Виктория, 35 лет).

Респондентки и респонденты описывали свои отношения как эгалитарные:

«Мы за четыре года ну вообще никогда не ссорились, никогда не выясняли отношений. Мы всегда все решения принимаем, обсуждаем вопросы какие-то... У нас нет такого, чтобы кто-то там что-то сказал, и другой бы подчинялся мнению первого» (Катерина, 35 лет).

Как указывает американский социолог Майкл Киммел, «парам геев и лесбиянок с меньшей вероятностью угрожает следование шаблонам неравенства, которые определяют гетеросексуальные браки. Поскольку к уравниваются два человека одного и того же гендера, гендерное неравенство нейтрализируется и убирается гендерное отличие»¹⁵⁸. То есть ЛГБТ-семьи имеют

¹⁵⁸ Киммел М. Гендерование суспільство / Пер. з англ.: С. Альошкіна; наук. ред. С. Оксамитна. Київ: Сфера, 2003. С. 222.

больший, чем гетеросексуальные семьи, потенциал для конструирования отношений, основанных на равенстве.

Однако акцентирование эгалитарности — это также признак нормализации, попытка показать, что ЛГБТ-пары лучше гетеросексуальных, в частности, за счёт наличия эгалитарных партнёрских отношений. Соответственно в интервью респонденты и респондентки рассказывали и о таких практиках в своих семьях, которые можно отнести к традиционным способам разделения ролей в семье. Так, например, иногда фактор старшего возраста становится причиной возложения на старшего/старшую большей ответственности за домохозяйство, в частности, за его материальное благополучие:

«Я думаю, что, наверно, больше глава Света. Она мудрее, опытнее» (Алина, 33 года).

«Я — глава семьи, я старше, я опытнее и я более, скажем так, ну, по своему типу характера, более такой, скажем, решительный и сильный» (Орест, 50 лет).

«...(К)ак бы она старше, и мне, конечно, хочется, чтобы она приносила деньги. Пока не получается, надеюсь, что будет, что как-то сложится по-другому» (Полина, 30 лет).

В данном случае одна из респонденток демонстрирует поддержку традиционных патриархатных представлений о контроле над материальными ресурсами со стороны старшего по возрасту человека, даже если в данном случае мы имеем дело не с мужчиной. Кроме возраста, также подчёркивался и такой патриархатный признак властных отношений (выполнение роли «главы семьи»), как осуществление большего материального вклада в домохозяйство (в частности, в форме жилья):

«Наверное, Георгий глава семьи. Ну, даже сейчас, когда мы ремонт делаем, в общем, ну чаще всего у него есть определённое представление о том, как оно должно быть, и я с этим согласен. Видимо, это также вызвано тем, что это его квартира, и я так себя чувствую. Ну, но мне с этим тем не менее комфортно» (Виктор, 25 лет).

Семьи, живущие по сценарию патриархатных ролей, могут характеризоваться наличием экономического насилия, ограниченностью доступа одного члена семьи (в гетеросексуальной семье — преимущественно женщины) к экономическим ресурсам. В результате исследования выявлены две основные стратегии ведения семейного бюджета: частично общий бюджет или полностью общий. Частично общий бюджет предполагает, что определённая сумма средств идёт на общие расходы домохозяйства, а другая часть прибыли — это частное дело членов семьи.

«У нас есть общий бюджет, каждый со своей зарплаты откладывает туда определённую часть денег и с тех денег покупается уже всё, что нужно для дома. Ну, и в том числе, коммунальные платежи, интернет, телевидение, эти мелочи» (Виктор, 25 лет).

Для респонденток и респондентов непросто оказалось ответить на вопрос о распределении домашних обязанностей:

«Кто-то делает одно, кто-то делает другое. Кто-то решает одно, кто-то другое. Другой помогает. У нас меняется всё время. У нас просто, мы просто вместе» (Виктория, 35 лет).

«В течение нашей совместной жизни у нас менялись эти роли... У нас нет такого чёткого распределения, зависит от того, насколько мы загружены» (Полина, 30 лет).

Следует отметить, что обычно приходилось уточнять, какие именно типы работы по домохозяйству подразумеваются. Домашняя работа требует немало времени. Однако респонденткам и респондентам оказалось сложно выразить типы этой работы и аргументацию по её выполнению, ведь она не всегда проговаривается в семье, и не всегда осознаются причины именно такого её разделения. Например, одна из респонденток, работая дома (называя не-офисную работу «сидением» дома), выполняет также львиную долю домашней работы, что является типичной ситуацией в традиционном разделении гендерных ролей.

«...(Я) сейчас сижу практически дома: работа у меня надомная. У Альки очень сложный и тяжёлый график. И там раз в неделю-две я её замучаю пропылесосить квартиру... у меня язык не поворачивается её ещё какой-то работой нагрузить, она и так очень сильно устаёт на самом деле... А вообще Алька сейчас львиную долю семейного дохода приносит» (Светлана, 41 год).

В ходе разговора с респондентками мы также уточнили в отношении так называемой традиционно «мужской» работы по дому — кто её исполняет и каким образом. Большая часть участниц исследования отметила, что они самостоятельно справляются. Однако были и несколько другие ответы:

«Ну, вообще зову на помощь отца, когда что-то сложное. Он приходит и нам помогает, потому что мужские руки, конечно, всё равно важны. Но когда что-то такое, что мы можем сделать сами, то вот, у моей подруги, хоть она и невысокого росточка и очень стройная, она очень любит с молотком и гвоздями где-нибудь пройтись» (Виктория, 35 лет)

Как видим, респондентка прибегает к гетеронормативным представлениям о гендерных ролях. Якобы существует мужская роль в домохозяйстве, которую следует наполнить определённой работой. Оправдание выполнения этой традиционно мужской роли женщиной происходит путём дополнительного указания на традиционные женские черты респондентки: она хрупкая, маленького роста — значит, с её феминностью «всё в порядке».

ВЫВОДЫ

С одной стороны, ЛГБТ семьям присущ больший, чем гетеросексуальным семьям, потенциал для создания эгалитарных отношений. И определённые примеры из интервью подтверждают эти тенденции. С другой стороны, в гетеронормативном обществе, где патриархатные отношения всегда легитимируются (или через материнство как основное «призвание» женщины, или через распределение обязанностей в семье), ЛГБТ парам непросто противостоять устоявшимся гендерным ролям. И мы наблюдаем разнообразные примеры идеализации и нормализации собственных отношений, попыток вписать их в традиционную гетеросексуальную модель отношений: например, через осуществление процедуры венчания в церкви, ношение колец, более традиционное распределение ролей в семье, семейного бюджета.

Данное эмпирическое исследование гендерных и семейных ролей в ЛГБТ-парах может явиться стартом для более масштабных исследований разнообразных форм семейных отношений в Украине. Для эффективного планирования социальной политики государству целесообразно понимать проблемы разных категорий граждан, в особенности семей, которые выпадают из сферы государственного регулирования.

Тамара Марценюк (Киев, Украина) — кандидатка социологических наук, доцентка кафедры социологии, Киево-Могилянская академия (tarakuta@gmail.com).